

АГИШЕВ Руслан Ряфатович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39А; agishev2019@gmail.com)

МАНАЕВА Ирина Владимировна – научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39А; manaeva.i.v@mail.ru)

КОРРУПЦИОННАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В рамках статьи рассматривается вопрос об инициативе в коррупционных взаимодействиях как отражении двойственности феномена коррупции – многоактовой сделки между взяточдателем и взяточполучателем. Актуальность обращения к указанной проблематике обусловлена широкой палитрой устоявшихся в обществе стереотипов о преимущественной коррупциогенности власти, вынужденности коррупционного поведения взяточдателей и др. Эмпирическая база статьи включает в себя результаты пула региональных исследований уровня коррупции, проведенных в девяти субъектах федерации с разным уровнем социально-экономического развития. Осуществлялось интервьюирование граждан для оценки уровня «бытовой» коррупции и онлайн-опрос представителей бизнеса для оценки уровня «деловой» коррупции. Результаты исследования позволяют констатировать, что в коррупционной сделке, как правило, взяточдатель проявляет инициативу. Этот вывод справедлив и для рядовых граждан, и для предпринимателей независимо от региона, что говорит об универсальности стратегии. Авторы отмечают, что, во-первых, респонденты в основной своей массе убеждены в эффективности взятки и, во-вторых, значительная часть респондентов осведомлена о размере взятки. Очерченные моменты значимы для внушительной части респондентов регионов независимо от их административно-территориального статуса (область, край, республика) и уровня экономического развития (высокий, средний или низкий ВВП).

Ключевые слова: коррупция, взятка, коррупционное поведение, инициатива, взяточдатель, взяточполучатель.

Вопрос об инициативе в коррупционных взаимодействиях между должностным лицом – взяточполучателем и гражданином – взяточдателем представляет собой значимую теоретическую и практическую проблему, т.к. отражает двойственную природу феномена коррупции [Алдашева 2019: 194]. Коррупция представляет собой двусторонний процесс девиантного и незаконного соглашения представителей общества и власти, имеющего взаимообусловленный и взаимозависимый характер [Смирнова 2021: 29]. Вследствие этого коррупция одновременно выступает и субъектом, и объектом, способна быть и результатом развития общественных отношений, и конструировать их определенным образом.

Исторически первым в социально-философском осмыслении истоков коррупции выступает классический (моральный) подход, в рамках которого причиной коррупции античные философы объявляли «корыстолюбие» облеченных властью лиц и особый акцент делали на властной природе явления [Цырендоржиева, Лугавцов 2017: 192]. Соответственно, вся вина за инициативу в коррупционных отношениях возлагалась на лиц с властными полномочиями. Платон призывал лишить стражей (должностных лиц) частной собственности, чтобы исключить возможность их личной заинтересованности и оттолкнуть от власти корыстолюбивых людей [Шрейбер 2019: 183]. Аристотель

видел одну из главных задач государства в том, чтобы посредством законов воспрепятствовать должностным лицам удовлетворять свои корыстные интересы в ущерб общему благу [Бурмакин 2019: 22].

Рассмотрение коррупции и ее истоков в рамках моральной парадигмы продолжилось в Новое время. Т. Гоббс апеллировал к естественной склонности человека к преследованию своей выгоды и «возвышению» над другими людьми, что порождало нарушение законов, в т.ч. и коррупцию. В образе преступников философ изображал в первую очередь не чиновников, а тщеславных людей, подкупающих государственное правосудие с помощью богатства, связей и авторитета [Таирова 2014: 161]. Ш. Монтескье указывал на то, что обладание властными полномочиями чаще всего ведет к злоупотреблению ими [Везломцев 2016: 147].

Новый взгляд на феномен коррупции предлагался в рамках социологического понимания коррупционных явлений, лежащего в основе теории рациональной бюрократии М. Вебера, структурно-функционального подхода Т. Парсонса и теории социальной аномии Р. Мертона.

М. Вебер возникновение коррупции связывал с нерациональной организацией деятельности государственных служащих, вымогающих взятки, а должных представлять собой «высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высококоразвитой сословной честью, гарантирующих безупречность» [Вебер 1990: 657]. Согласно теории социальной аномии Р. Мертона, коррупция возникает в ситуации, когда падает авторитет правовых и нравственных норм и в обществе повышается спрос на девиантные формы поведения, в т.ч. и коррупционные. Через призму структурно-функционального подхода Т. Парсонса коррупция выступает деструктивным форматом социальной коммуникации, обеспечивающей связь между акторами в рамках решения необходимых вопросов и задач [Туркова 2022: 67]. Соответственно, инициатором деструктивного (или девиантного) взаимодействия, по Мертону и Парсонсу, может оказаться как власть (должностное лицо), так и общество (гражданин).

В рамках неонституциональной школы причиной коррупции выступает чрезмерное и неэффективное вмешательство в экономические процессы государства, наделяющего своих представителей (чиновников) избыточными полномочиями и позволяющего им за счет этого извлекать личную выгоду [Изотов 2011: 275]. На гражданине, способном своим поведением провоцировать наступление коррупционной ситуации, акцент здесь делается в меньшей степени.

В настоящих реалиях традиция поиска источника коррупции во власти и связанных с нею патерналистско-клиентских отношениях находит свое отражение и в устоявшихся в обществе стереотипах: укоренение во всех социальных группах представления о тотальной коррупции в органах власти; отнесение к коррупции только тех незаконных действий, которые имеют отношение к государству и чиновникам; распространение мнения о порождении коррупции несовершенством законов и корыстолюбием должностных лиц; оправдание коррупции в виде «мелких» служебных нарушений, блата, протекционизма, подарков; наделение коррупции рутинными, практическими функциями, исполнение которых не затрагивает интересы государства [Леонтьева 2010: 46].

Методологические аспекты. В рамках статьи предлагается рассмотреть проблему инициативности в коррупционных взаимоотношениях. Учитывая специфику поднимаемых тем (сензитивность тематики коррупции и взяточни-

чества), формулировки задаваемых респондентам вопросов носили косвенный проективный характер, что позволяло смягчить деликатность темы и повысить субъективную анонимность. Две группы респондентов – граждане и предприниматели – отвечали на идентичные вопросы об инициативе в коррупционных сделках и результате взятки.

Эмпирическая база включает в себя результаты пула региональных исследований уровня коррупции, проведенных в 2022 г. по единообразной методике проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах РФ, утвержденной постановлением Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации». В субъектах федерации проводилось интервьюирование граждан для оценки уровня «бытовой» коррупции и онлайн-опрос представителей бизнеса с помощью электронных платформ (*Google Forms, AnketologBox, Webanketa* и др.) для оценки уровня «деловой» коррупции. Объем выборочной совокупности согласно утвержденной методике существенно варьировался: в части оценки «бытовой» коррупции – от 400 респондентов в Республике Мордовия до 4 500 в Нижегородской области; в части оценки уровня «деловой» коррупции – от 100 предпринимателей в Республике Северная Осетия – Алания и до 400 в Московской области. Исследовательским интересом были охвачены 9 регионов, отобранных случайным образом из трех групп субъектов федерации – с высоким, средним и низким уровнями развития региональной экономики: это Нижегородская, Волгоградская, Новосибирская, Саратовская, Оренбургская обл., Алтайский край, республики Мордовия, Удмуртия и Северная Осетия – Алания.

Сформулированы гипотезы исследования:

– инициатором коррупционных сделок в сферах «бытовой» и «деловой» коррупции чаще всего выступают рядовые граждане и предприниматели соответственно;

– превалирующая инициативность граждан и предпринимателей в коррупционном взаимодействии определяется распространяющейся убежденностью в практических свойствах взятки как эффективного инструмента разрешения проблем;

– информированность респондентов о размере взятки указывает на распространенность специфических сведений о коррупционных практиках, т.е. на укорененность коррупции. Последнее также может свидетельствовать о преимущественной инициативности граждан в коррупционных сделках.

Результаты эмпирического исследования. Анализируя средние значения показателя по 9 регионам, отметим, что ответы граждан и предпринимателей об инициаторах коррупционных сделок отличаются несущественно. В сфере «бытовой» коррупции вымогательство назвали причиной возникновения коррупционной ситуации в среднем по регионам 27% респондентов, подкуп должностных лиц – 73%; в сфере «деловой» коррупции – 22 и 78% соответственно. Столь существенное преобладание свидетельствует, что чаще всего инициаторами коррупционных сделок выступает не власть (должностные лица), а общество (рядовые потребители государственных и муниципальных услуг). Характерно, что близкие результаты были получены при опросе и граждан, и предпринимателей. Последнее может говорить о формировании устоявшихся коррупционных практик, применяемых представителями различных социальных групп в качестве рутинного способа разрешения конфликтов и удовлетворения интересов [Акимова 2009: 37].

В отдельных регионах соотношение доли респондентов, выбравших в качестве причины возникновения коррупционной ситуации вымогательство и подкуп, еще более разительно. В Республике Удмуртия, Новосибирской и Нижегородской обл. на вымогательство в сфере «бытовой» коррупции указывали примерно в 4 раз реже, в Оренбургской обл., Алтайском крае и Республике Северная Осетия–Алания – почти в 3 раза реже. В сфере «деловой» коррупции предприниматели выступают с инициативой взятки примерно в 16 раз чаще, чем в Республике Мордовия и Волгоградской обл. (см. табл. 1).

Таблица 1

Причины коррупционных ситуаций в сферах «бытовой» и «деловой» коррупции, %

Регион	«Бытовая» коррупция		«Деловая» коррупция	
	Вымогательство	Подкуп	Вымогательство	Подкуп
В среднем по регионам	27	73	22	78
Волгоградская область	37	63	6	94
Нижегородская область	19	81	23	77
Новосибирская область	18	82	13	87
Саратовская область	37	63	40	60
Оренбургская область	24	76	28	72
Алтайский край	25	75	31	69
Республика Северная Осетия – Алания	25	75	27	73
Республика Мордовия	40	60	6	94
Республика Удмуртия	19	81	23	73

Следует заметить, что уровень экономического развития региона практически не оказывает влияния на соотношение указанных показателей. Оценка результатов в зависимости от отнесения области, края или республики к регионам с высоким, средним и низким уровнем развития экономики не выявила существенный разброс в значениях. Высокий показатель мог фиксироваться в регионе-доноре, а низкий – в регионе-реципиенте и наоборот. Так, в Республике Мордовия, регионе с депрессивной экономикой, о вымогательстве взятки заявили 40% респондентов-предпринимателей, а в Нижегородской обл., регионе с лучшей социально-экономической ситуацией, – 19%. Аналогичное соотношение выстраивается и в отношении других пар субъектов: Республика Удмуртия – Саратовская обл., Республика Северная Осетия–Алания – Волгоградская обл. и др. Последнее позволяет говорить об общих для всех регионов условиях протекания коррупционных процессов, в которых рутинизация и формализация коррупционных практик определяется системными причинами, имеющими значимость для жителей всех регионов страны и не зависящими от социально-экономического развития субъекта.

Для проверки гипотез исследования на следующем этапе оценивалась специфика восприятия респондентами взятки, для чего задавался вопрос о ее результате. Важно было оценить результативность неформального вознаграждения при взаимодействии потребителя услуги и представителя органов власти. Убежденность опрошенных в высокой эффективности взятки как инструмента по достижению целей естественным образом объясняла бы тот факт, что

именно обычные граждане чаще всего выступают инициаторами коррупционных сделок. Коррупционное поведение взяточника в таком случае обеспечивает более высокую степень доверия в социальном взаимодействии, следствием которой становится более быстрое и качественное решение вопроса [Скоробагатов, Скоробагатова, Краснов 2021: 757].

Анализ распределения ответов в среднем по регионам показывает, что значимая часть респондентов, как рядовых граждан (52%), так и предпринимателей (34%), воспринимают взятку как практичный и эффективный инструмент для решения проблем, что отмечалось и по результатам других исследований [Агишев, Баринаова, Манаева 2021: 86]. По мнению опрошенных, взятка позволяет: минимизировать трудности (17% – граждане, 9% – предприниматели), ускорить решение (26% и 15% соответственно) и качественно решить вопрос (9% и 10% соответственно). В открытых вопросах анкет нередко звучат следующие высказывания: «взятка позволила сильно сократить время оформления документов», «заплатишь деньги – получишь более надежный и качественный результат». Предприниматели, как правило, указывают на то, что взятка помогает обойти протywоречивые требования закона, которые в обычном порядке требуют значительных усилий и временных потерь. Существенно реже отмечается альтернатива «взятка ничего не гарантирует».

Зафиксированное соотношение прослеживалось во всех регионах, включенных в выборку. В отдельных субъектах превалирование мнения о практичности взятки было наиболее существенным. В Республике Мордовия, Алтайском крае, Волгоградской и Оренбургской обл. более 60% респондентов, оценивая результат взятки в сфере «бытовой» коррупции, указали, что она позволяет минимизировать трудности, ускорить решение проблемы и повысить качество результата. Аналогичные моменты выделили более 65% бизнесменов в Нижегородской обл. и Республике Северная Осетия – Алания.

Распространенность мнения о практическом характере взятки в конкретном регионе мало обусловлена уровнем экономического развития данного субъекта. Превалярующая убежденность значительной части граждан в эффективности взятки как инструмента непосредственной защиты своих интересов распространена примерно в равной степени во всех субъектах выборки. Примечательно, что, согласно результатам федеральных исследований, каждый второй россиянин не станет колебаться и нарушит правовые и культурные нормы, если речь пойдет об угрозе жизни и специализированной медицинской помощи для себя и своих близких [Максименко и др. 2021: 407].

Осведомленность респондентов о величине взятки является маркером, показывающим степень укорененности коррупции: чем больше респондентов изначально знают размер неформального платежа за конкретные услуги, тем, соответственно, более распространены коррупционные практики в указанной сфере.

Рассматривая информированность респондентов о величине взятки, заметим, что величина взятки в сфере «бытовой» коррупции в той или иной степени известна более 46% респондентов, а в сфере «деловой» коррупции – примерно 42%. Меньшее число опрошенных придерживаются обратной позиции (26% и 21% соответственно) и затрудняются ответить (28% и 37% соответственно).

Среди регионов выделяются Республика Удмуртия, Волгоградская и Нижегородская обл., в которых доля респондентов, знакомых с размером взятки, достигает ½ опрошенных при оценке «бытовой» и «деловой» коррупции. В этой связи следует заметить, что высокая доля респондентов, осведомленных о коррупционных сделках, говорит о том, что указанная проблема

часто обсуждается в их среде, осуществляется обмен практическим опытом (в т.ч. и сведениями о затратах на взятку) [Российская коррупция... 2013: 375].

Подводя итог, сформулируем следующие выводы. В рамках коррупционного взаимодействия двух сторон – власти (должностное лицо) и общества (гражданин) – последний, как правило, проявляет инициативу. Указанная стратегия свойственна как обычному заявителю или потребителю государственных и муниципальных услуг, так и предпринимателю, что может свидетельствовать о ее универсальном характере.

Превалирующая инициатива граждан (и предпринимателей) в коррупционных взаимодействиях может быть обусловлена их убежденностью в эффективности взятки как инструмента защиты своих интересов. Взятка наделяется практическими свойствами, позволяющими быстро, эффективно и качественно решить ту или иную проблему.

Довольно высокий уровень осведомленности респондентов о размере взятки в регионах косвенно подтверждает потенциальную готовность гражданина инициировать коррупционную сделку. Очерченные моменты значимы для индигентной части респондентов регионов независимо от их административно-территориального статуса (область, край, республика) и уровня экономического развития (высокий, средний или низкий ВВП).

Статья подготовлена в рамках проекта «Школа молодого этнополитолога» (грант Фонда президентских грантов 22-2-003352).

Список литературы

Агишев Р.Р., Баринаева О.Н., Манаева И.В. 2021. Региональная специфика личности взяткодателя: опыт социологического анализа. – *Дискурс*. Т. 7. № 5. С. 86-97.

Алдашева А.А. 2019. Принятие коррупции как многоаспектного явления в формировании картины мира у молодежи. – *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. Т. 4. № 1(13). С. 191-203.

Акимова Н.В. 2009. Коррупция в России: история и современность. – *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. № 2. С. 36-38.

Бурмакин В.М. 2019. Проблема формирования антикоррупционных мер в философской ретроспективе (Платон и Аристотель). – *Вестник Московского государственного областного университета*. Сер. Философские науки. № 3. С. 18-24.

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 808 с.

Везломцев В.Е. 2016. Осмысление коррупции в истории социально-философской мысли. – *Известия высших учебных заведений*. Сер. Гуманитарные науки. Т. 7. Вып. 2. С. 146-149.

Изотов М.О. 2011. Генезис понятия коррупции в социально-философской мысли. – *Вестник Орловского государственного университета*. Сер. Философия. Социология. Право. № 2(97). Вып. 15. С. 270-278.

Леонтьева Э.О. 2010. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян. – *Российская политика*. № 1(56). С. 45-51.

Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Духанина Л.Н. 2021. Отношение россиян к коррупции. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Социология. № 13(4). С. 407-428.

Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа (под ред. Г.А. Сатарова). 2013. М.: Фонд «Либеральная Миссия». 752 с.

Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И., Краснов А.В. 2021. Дискурс коррупции в российском обществе. — *Актуальные проблемы экономики и права*. № 15(4). С. 751-764.

Смирнова Т.В. 2021. Управленческие аспекты антикоррупционной политики. — *Экономика. Социология. Право*. № 3(23). С. 29-34.

Таирова Н.М. 2014. Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики. — *Управленческое консультирование*. № 2(62). С. 159-169.

Туркова В.Н. 2022. Взятка как социальное действие (на основе системной теории Т. Парсонса). — *Социология*. № 5. С. 65-72.

Цырендоржиева Д.Ш., Лугавцов К.В. 2017. Социально-философское осмысление феномена коррупции в трудах Платона и Аристотеля. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10. Ч. 2. С. 191-193.

Шрейбер В.К. 2019. Как рука руку моет, или Платон и современность. — *Новые идеи в философии*. № 6(27). С. 173-185.

AGISHEV Ruslan Ryafatevich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Leading Researcher of the Department for Monitoring Legal Processes, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring of the Republic of Mordovia (39a Bohdana Khmel'nitskogo St, Saransk, Republic of Mordovia, Russia, 430005; agishev2019@gmail.com)

MANAEVA Irina Vladimirovna, *Research Associate of the Department for Monitoring Legal Processes, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring of the Republic of Mordovia (39a Bohdana Khmel'nitskogo St, Saransk, Republic of Mordovia, Russia, 430005; manaeva.i.v@mail.ru)*

CORRUPTION INITIATIVE AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *The article deals with the issue of initiative in corrupt interactions. The relevance of addressing this topic is due to the fact that stereotypes about the venality of power and the forced corrupt behavior of citizens are widespread in society and in the media field. The empirical base of the article includes the results of a regional study of the level of corruption conducted in nine constituent entities of the Russian Federation with different levels of socio-economic development. Citizens were interviewed to assess the level of «domestic» corruption and an online survey of business representatives was carried out to assess the level of «business» corruption. The results of the study allow to state that, as a rule, the bribe giver takes the initiative in a corrupt transaction. This conclusion is true for ordinary citizens and entrepreneurs, regardless of region of residence. First, respondents are most often convinced of the effectiveness of a bribe as a tool to protect their interests. A bribe is endowed with practical properties that allow you to solve a particular problem quickly and efficiently. Secondly, a significant part of the respondents is aware of the amount of the bribe. The outlined moments are significant for an impressive part of the respondents of the regions, regardless of their administrative-territorial status and level of economic development.*

Keywords: *corruption, bribe, corrupt behavior, initiative, bribe giver, bribe taker*
